

И. С. Савольский

Место Центральной Восточной Европы во внешней политике России

Предварительно необходимо отметить, что регион чаще всего для общественности России остается в тени крупных международных событий. Но с точки зрения внешней политики он все же занимает важное место в системе региональных приоритетов. То есть бумаги, связанные с регионом ЦВЕ, каждый день попадают на стол руководства России.

Начнем все же с того, в чем мы пытаемся определить место стран региона – со внешней политики России. Ей дают разные определения, В последнее время все чаще говорят о ней как о прагматической вплоть до цинизма. В рассуждениях российских политологов это подается как достижение после смутных 90-х годов, когда Россия во внешней политике была подчиненным игроком в партнерстве с Западом, не было способна провести в отношениях с ним свой национальный интерес, в том числе и в том, что касается позиций в бывших социалистических странах, связи с которыми почти потеряли какое-либо содержание.

В «нулевые годы» в поведении России на мировой и европейской арене произошел коренной поворот, на который все обратили внимание после известной мюнхенской речи В. В. Путина, который затронул темы, не очень удобные для наших партнеров, причем с предложением разговаривать друг с другом предельно откровенно, не боясь сказать правду.

Речь эта отражала подходы, сформулированные в Концепции внешней политики России, одобренной на уровне президента страны летом 2000 г. Основные положения Концепции действуют и сегодня, будучи заложены в обновленный документ с тем же названием, утвержденный президентом Д. А. Медведевым летом 2008 г.

Ставя во главу угла задачи внутреннего развития и отстаивания национальных интересов на международной арене, Концепция действительно весьма прагматична. Но небеспринципна. Дело в том, что правильно понятые интересы России требуют от нее последовательной приверженности ценностям справедливого демократического миропорядка, основанного на верховенстве международного права при равноправии государств и координирующей роли ООН.

Это может показаться громкими словами, но они имели большой практический смысл в «нулевые» годы и имеют и сейчас, когда глобальный кризис ставит в повестку дня задачу формирования нового миропорядка, основанного на прежних ценностях, но

приспособленного к новым условиям, новым вызовам эпохи. Кризис действительно сделал человечество умнее и теперь легче добиваться понимания нашего концептуального подхода, чем когда я был здесь послан.

Во внутренних делах задачи России кратко формулируются как модернизация в самом широком смысле этого слова: в экономике, политике, духовной жизни. Эти задачи могут быть решены только при максимальной открытости страны, ее инициативном участии в международном сотрудничестве. Такая внешняя политика должна быть предсказуемой и прагматичной, сочетать твердость в отстаивании национальных интересов (в том числе в борьбе с попытками оттеснить страну от достижений глобализации, оставив ей лишь ее негативные последствия) с недопустимостью скатывания к конфронтации с кем-либо. Отсюда и стиль политики – открытое изложение своего интереса при предложении позитивной повестки дня, предложение совместных действий для решения возникающих проблем при сохранении способности действовать самостоятельно, если партнеры к коллективным решениям не проявляют готовности.

Соответственно в географической близости мы заинтересованы в существовании «пояса добрососедства», лучше дружественно, основанного на общем видении современного мира, но не считаем противоречащим нашим целям и отсутствие сердечности. Главное, чего мы ожидаем от партнеров - это готовность уважать наши интересы.

За последние два десятилетия частью этого «пояса» стали государства, входящие в ЕС и НАТО, в том числе и Венгрия, Польша, Словакия и Чехия, о которых мы ведем речь. Так что их место во внешней политике России надо искать в системе наших отношений с этими объединениями. Оговорюсь, что у нас есть исследователи, считающие этот срез не главным, склонные выделять связи с бывшими социалистическими странами в отдельный раздел российской дипломатии. Думаю, тут больше ностальгии, чем соответствия реалиям.

Значит, чтобы понять, как видят в Москве связи со странами региона, надо все же бросить взгляд на более широкую систему взаимоотношений здесь, в северном полушарии, точнее на евроатлантическом пространстве.

Нравится кому-то или нет, определяющими здесь являются отношения в треугольнике Россия – Евросоюз – США. Треугольник этот не равнобедренный: отношения ЕС и США союзнические, а Россия поддерживает с США и ЕС отношения стратегического партнерства, тоже не одинаковые по содержанию.

Именно здесь надо искать один из важнейших векторов российской политики. В Москве удовлетворены, что особенно учетом уроков глобального кризиса произошли позитивные изменения в понимании общности судеб и задач всех участников «треугольника». Попытки мыслить категориями блоковых подходов или однополярного мира, добиваясь «сдерживания» и «окружения» России, провалились. Возник новый дух взаимопонимания, хотя, конечно, не всеобщего согласия и совпадения всех интересов.

Россия видит в этой смене парадигмы международных связей шанс для своей модернизации в условиях внешней безопасности и на основе широкого международного сотрудничества.

Что касается повестки дня, то по проблемам безопасности Россия предлагает заключить основанный на принципах Хельсинкского заключительного акта юридически обязывающий Договор о европейской безопасности. Предложение это исходит из необходимости закрепить систему, при которой на деле будет обеспечена неделимость безопасности, будет строиться Европа без разделительных линий и зон с разной степенью безопасности.

В отношениях с США важнейшее место занимает проблематика стратегической стабильности. Крупнейшее достижение здесь – недавнее заключение нового договора об ограничении стратегических вооружений. Спорным остается вопрос об американской системе ПРО как части ракетно-ядерного потенциала США. Выход мы видим в замене ее на европейскую систему ПРО с участием всех сторон упомянутого треугольника.

В экономике мы также заинтересованы в равноправном сотрудничестве, причем здесь для нас, конечно, наиболее важным является Евросоюз как торговый партнер номер один. При всех спорах, начиная членство в ВТО, регулированием энергетического и транспортного сотрудничества и кончая конкретными сделками, в Москве чувствуют, что ее голос слышат и готовы к поиску компромиссов. С ЕС готовится новый договор о стратегическом партнерстве, создана система диалогов, затрагивающая все области жизни. Не менее важна и «третья корзина» связей – человеческие контакты, духовное общение, связи в науке, культуре, образовании, обмен опытом общественного развития.

Тут у нас с ЕС больше общего, чем с остальным миром за пределами постсоветского пространства. Это единая история, география, это культурная, цивилизационная близость, это и взаимодополняемость экономик и преимущества

общего рынка. Это и общие вызовы в условиях глобализации. (По словам одного нашего политолога, Европе грозит превращение в «глобальную Венецию», а России – в экономический придаток более динамичных стран). Наконец, в общих интересах и сохранение суверенитета Европы.

Именно в отношениях с ЕС у нас есть наибольшая необходимость и наибольшая возможность прийти к общему пониманию, в каком мире мы живем и как можем совместно содействовать его развитию.

Выделю одну тему. Это отношение к общей истории. Для России ключевой темой является отношение ко Второй мировой войне, ее итогам и послевоенному устройству мира. Тут есть эмоциональная сторона – объединяющая все наше общество отношение к победе над фашизмом как к событию, означающему сохранение нас как нации и знаменующему вклад нашего народа в сохранение мировой и европейской цивилизации. Но есть у этой темы и рациональная сторона. Понимание опасности попыток – в том числе через приравнивание преступлений фашизма и коммунизма (даже не сталинизма, а коммунизма в целом) – поставить под сомнение оправданность, обоснованность послевоенного мироустройства. А ведь оно далеко не только установленные в Европе границы. Они лишь часть общей системы, включающей и заложенные в Уставе ООН принципы международного права: неприменение силы, суверенное равенство государств, право наций на самоопределение и т.д. Размывание этих основ несет угрозу безопасности на континенте и во всем мире.

После такого длительного вступления перейдем к теме – Россия и страны ЦВЕ. Таким образом, Россия смотрит на регион ЦВЕ через призму отношений в треугольнике Россия – ЕС – США, причем в большей степени через призму системы взаимосвязей с Евросоюзом. (в НАТО определяющей является все же является позиция США, на которую эти страны не могут повлиять).

Все, что я говорил о близости России с ЕС, многократно относится к связям со странами региона. И географическая близость, и общность исторического прошлого, включая десятилетия социализма и его нынешнее наследие в экономике и общественном сознании, и большой капитал человеческих контактов и духовного общения, и взаимная заинтересованность в экономических связях, часть из которых просто незаменима.

Что касается масштабов, то, если смотреть из Москвы, мы видим некую группу стран, которые по совокупному населению где-то равны Великобритании, по массе ВВП – Нидерландам, а по доле в российской внешней торговле (7,5%) – Италии (8%).

Сразу замечу, что Россия, как и другие участники международной жизни, не считает регион чем-то монолитным, видит в Вишеградской группе не организацию государств, а действительно группу, имеющего много общего, включая и довольно широкий перечень общих интересов. Поэтому отношения с членами V-4 строятся нами дифференцированно и складываются далеко не одинаково.

Теперь о повестке дня этих отношений. Подход к этим странам, да и в целом к бывшим соцстранам определен в Концепции внешней политики России в разделе о Европе следующим образом: «Россия открыта для дальнейшего расширения прагматического взаимоуважительного сотрудничества с государствами Центральной и Восточной Европы с учетом реальной готовности к этому каждого из них». В 2000 г. было сказано примерно то же самое, но упомянута была еще и необходимость использовать наработанные человеческие, хозяйственные и культурные связи. То есть Россия подтверждает заинтересованность в добрососедстве, а степень доверительности и глубины связей ставит в зависимость от подхода к нам самих этих стран.

Как же Россия оценивает их подход к нам, поскольку на словах почти все эти страны и почти всегда выражают готовность к прагматичному сотрудничеству? В комплексе критериев важное место занимает то, как каждая из этих стран работает на уровне отношений Запада в целом и Евросоюза в частности с Россией.

Помню недавние споры между тогдашним венгерским правительством и тогдашней оппозицией о том, можно ли считать Россию стратегическим партнером. Это был период, когда в американской администрации тон задавали неоконсервативные приверженцы стратегии на сдерживании России (тогдашним их венгерским сторонникам я говорил, что неоконсерваторов ждет скорый провал, но мне почему-то не верили). Активно продвигали эту линию тогдашние правительства Польши, прибалтийских стран, Украины и Грузии. После победы Б. Обамы о стремлении сдержать Россию, создать вокруг нее «пояс демократии» от Балтийского до Черного моря мы говорим в прошедшем времени, восприятие отношений России с США и европейскими странами как стратегического партнерства стало как бы общепринятым. Но как подспудное восприятие России как опасного соперника живет, о нем нельзя забывать, т.к. оно может вновь «заиграть» в случае коренного изменения в политике США.

То есть один из критериев – помогают эти страны поддержанию отношений России с НАТО или требуют от блока антироссийского поведения, способствуют они или мешают договоренностям Евросоюза с Россией. Поскольку речь идет не о самых

крупных государствах Европы, думаю, нам надо с пониманием относиться к тому, что они несколько опасаются стать не субъектом, а объектом договоренностей, когда «большие» договариваются о чем-то за их спинами, а то и за их счет. Но когда такие опасения становятся главным в политике, это ведет к охлаждению отношений.

С этой точки зрения у нас вызывает настороженность выдвигающаяся в регионе некоторыми политиками и дипломатами идея или концепция, что в рамках ЕС и НАТО страны региона должны иметь решающее слово в формировании и реализации политики на восточном направлении, включая Россию. С одной стороны, это нереально. С другой же, на ум сразу приходит история, когда Польша, а потом и Литва почти на два года затянули начало переговоров о новом договоре о стратегическом партнерстве России с ЕС. Замечу при этом, что на деле руководство этих стран оказалось не защитниками национальных интересов, а вассалами американских неоконсерваторов, целью которых было недопустить сближения России с ЕС. Такую же роль сыграли эти политики региона в приостановке сотрудничества России с НАТО после нападения Грузии на Южную Осетию (хотя решающей, конечно, была позиция США).

В целом сейчас в Польше во главе правительства не стоит Я. Качиньский, в Чехии нет М. Тополанека, Словакия никогда не была фактором, затрудняющим наши связи ЕС. Что касается Венгрии, то в предыдущие годы она, действуя строго в рамках линии ЕС, не выступала на стороне тех, кто продвигал конфронтационную линию на российском направлении. Если же общей линии ЕС выработать не удалось, Венгрия вела себя максимально осторожно, демонстрируя заинтересованность в достижении компромиссов. Пока нет достаточного материала для оценки общеконцептуального подхода нынешнего руководства Венгрии к этому кругу проблем – пока не было серьезных вызовов или конфликтов. Выделю лишь одну цитату из лекции премьер-министра В. Орбана во Французском институте международных отношений 18 ноября прошлого года: «Недалек момент исторического компромисса между ЕС и Россией... В данном историческом процессе Центральная Европа должна получить гарантии, что по таким вопросам, как, например, энергетическая независимость, военная безопасность или прозрачность экономики, это регион не станет лишь потерпевшей стороной в компромиссе». То есть тут мы видим упомянутую настороженность, даже признаки отсутствия доверия (что обычно вызывает ответное недоверие).

В то же время в ходе реализации программы венгерского председательства в Евросоюзе Будапешт до сих пор играл конструктивную роль, поддерживая

продвижение взаимодействия по всем направлениям, включая создание комитета Россия-УС по внешней политике и безопасности, продвижение к безвизовому режиму и т.д. В таком духе прошел, в частности, визит министра иностранных дел Я.Мартони 8 февраля. Надеюсь, такой подход проявится и в ходе предстоящего в июне саммита Россия –ЕС.

Что будет после председательства Венгрии, посмотрим. Тут есть настораживающие моменты. Так, если верить «Мадьяр немзет», 19 апреля статс-секретарь МИД Венгрии Ж. Немет в докладе на конференции Европейской народной партии по вопросам отношений с Грузией в качестве одного из немногих участников сделал упор на необходимости прекратить «российскую оккупацию». Уже сама терминология выходит за рамки принятой в ЕС по данной теме. Тем самым подтверждаются опасения, что в венгерском правительстве в отличие от того, что говорит нам министр иностранных дел, сильны стремления сделать общую политику менее склонной к пониманию интересов России.

Как об этом уже шла речь, темой, которая может сближать наши страны, а может разделять, является отношение к историческому прошлому, которое в применении к России и странам региона «более общее», чем по большинству других европейских стран. Наиболее трудными эти вопросы были у нас в отношениях с Польшей, хотя в войне мы были союзниками и на территории Польши лежат 600 тысяч советских солдат, отдавших жизнь в том числе и ради того, чтобы поляки сохранились как нация, а не как рабский народ без своего языка, культуры, государства.

Супернационалистическая Польша при прежнем руководстве в полной мере поставила историю на службу политике в стремлении к «сдерживанию» России, созданию вокруг нее «санитарного кордона» по примеру Пилсудского – их героя. На несколько лет история стала чуть ли не главной темой в политических отношениях двух стран. Осуждение сталинского преступления в Катыни, которое не раз звучало со стороны политического руководства России, никак их не удовлетворяло. Причем расстрел польских офицеров подавался как геноцид польского народа. Ситуация изменилась с приходом нового польского правительства. А прорывом стала, к сожалению, трагедия – гибель на аэродроме под Смоленском польской делегации во главе с президентом Л.Качиньским, которая как раз направлялась в Катынь. Та волна сочувствия, которая поднялась в России, была оценена польским народом, стала фактором примирения и взаимопонимания. Трудные вопросы остаются, но для их обсуждения имеются специальные форумы. То есть, с польской стороны воспринято,

наконец, российское предложение об идеологическом разоружении и о том, чтобы оставить историю историкам, не привнося ее в политику. Это сказалось на политических отношениях двух стран, что проявилось в декабрьском визите президента Медведева в Варшаву.

В отношении с Чехией подход к историческому прошлому, ко Второй мировой войне не является проблемой. Более того, там понимают, что по такому важному для Чешской Республики вопросу, как «декреты Бенеша», Россия скорее на стороне преемников Чехословакии. Между прочим, на сайте чешского МИД вместе с декретами Бенеша выложена известная пражская речь Гейдриха, в которой наряду с программой «окончательного решения» еврейского вопроса изложена программа мер по последовательному лишению славян и прибалтийских народов всех признаков национального существования. Это поучительное чтение.

Что касается Словакии, то общее понимание истории проявилось достаточно отчетливо в ходе участия президента Медведева в праздновании 4 апреля – 65-й годовщины освобождения Братиславы в прошлом году.

С Венгрией до сих пор исторические проблемы почти не сказывались на политических отношениях. Может быть, в какой-то степени в 90-е годы. Окончательным закрытием этой темы как части политической повестки дня двусторонних отношений можно считать визит президента Путина в Будапешт в конце февраля – начале марта 2006 г. С российской стороны было вновь заявлено, что мы чувствуем моральную ответственность за то, что делали наши предки в 1956 г. Была возвращена в Венгрию коллекция Шарошпатакской библиотеки. Высоко оценена деятельность комиссии историков (с венгерской стороны председатель – Д. Свак).

Такие жесты с российской стороны – и это надо ясно видеть – стали возможны не потому, что венгерская сторона твердо на них настаивала. Нажимом в таких делах ничего не добьешься. Побудительным фактором был и подход самой венгерской стороны к оценке прошлого. В.В.Путин прямо сказал тогдашнему премьеру Ф. Дюрчаню, что он говорит о российской моральной ответственности за 1956 г. с тем более легким сердцем, что и с венгерской стороны была признана моральная ответственность за действия правителей Венгрии во время войны, а также была высоко оценена роль Советского Союза и Красной Армии в освобождении Венгрии.

С российской стороны тему считают закрытой. Занимает ли такую же позицию новое венгерское руководство, можно надеяться. У нас, конечно, заметили и высказывания мэра Будапешта о желательности убрать памятник советским воинам из

центра венгерской столицы, и специфическое понимание истории и преамбуле новогоосновного закона страны, в частности возрождение «исторической конституции», то есть идеологической основы хортистского режима, благодаря поражению которого и родились-то все те ценности, лежат в основе сегодняшнего миропорядка. Пока все это остается фактами политической жизни самой Венгрии. Она в определенном смысле становится идеократическим государством, но ее лидер В. Орбан в одном из своих выступлений заявил, что Венгрия не намерена ввязываться в идеологическую войну с Россией. Само признание такой гипотетической возможности не радует, но пока ничего такого, что прямо требовало бы реакции Москвы, негативно отражалось на политических связях, не произошло. То есть мина заложена, но есть шанс, что она не будет активирована.

Следующий вопрос политических отношений – проблемы безопасности. Они, собственно, не играют большой роли, особенно с тех пор, как эти страны вошли в НАТО. Тем самым они получили американский «ядерный зонтик» и все необходимые гарантии безопасности на случай любой угрозы, в том числе на случай, если кто-либо из них будет ощущать, что такая угроза исходит из России. В повестке дня отношений сами по себе вопросы безопасности могут фигурировать только в качестве темы для обмена мнениями. Ничего, что требовало бы выработки совместных подходов или решений, у нас со странами региона нет. Двустороннее военное сотрудничество с ними как с государствами альянса полезны и сами по себе и как средство укрепления доверия, но по существу эти проблемы должны обсуждаться нами с США или с Евросоюзом в целом.

Важную роль в указанных рамках играет и внешнеполитический диалог с регионом, который способствует достижению общего взаимопонимания с ними как с суверенными государствами и как с членами соответствующих союзов. У нас есть надежда, что знание странами региона России поможет формированию кооперативного подхода к нам и в Брюсселе. Профессионалы в МИД России и странах региона обычно высоко ценят такие контакты, а сбои в их осуществлении обычно является следствием политических решений другого уровня.

Среди тем этого диалога затрону одну – программу «восточного соседства» ЕС, т.к. она нам географически близка, а одними из основных инициаторов ее принятия были поляки. Сама по себе тема не вызывала бы никаких озабоченностей, если бы ни побудительные мотивы названных инициаторов. С момента запуска программы в мире, Европе, в Польше много изменилось и имеются условия, чтобы эта программа, ее

конкретные проекты и действия по развитию интеграционных процессов на пространстве СНГ не противоречили друг другу. В этом случае в Москве не было бы ощущения, что ее интересы ущемляются, что ее опять хотят отгородить от Европы и даже вытеснить из ближайших к ней государств.

Теперь о российских оценках политических отношений с каждым из этих государств. При всем уважении к научному сообществу и оценкам его участников, я бы все-таки посоветовал руководствоваться прежде всего официальными документами. А это выпускаемый каждый год «Обзор внешней политики России», в котором говорится практически обо всем, чем занималась российская дипломатия в течение года.

Польша. В отчете за 2008 год отмечено, что на политической атмосфере отрицательно сказывалась деструктивная линия Варшавы по грузинской агрессии в Южной Осетии, американской ПРО, стремление втянуть Украину и Грузию в НАТО, но с приходом кабинета Д. Туска обозначилась тенденция к более прагматическим отношениям. По 2009 году говорилось о продолжении системной работы по формированию позитивной повестки дня отношений. Положительно оценено функционирование механизмов двустороннего сотрудничества: комиссии по вопросам стратегических отношений во главе с мининдел, межправкомиссии по экономическому сотрудничеству, Форума общественности, Группы по трудным вопросам и Форума регионов. По 2010 году в качестве главного выделялись позитивные тенденции. Говорится, что трагическая авиакатастрофа под Смоленском эмоционально сблизила наши народы, что дало возможность наполнить богатым практическим содержанием переговоры в ходе визита президента Медведева в Варшаву.

Чешская Республика. По событиям 2008 года говорится о негативном воздействии на отношения проамериканского курса правительства Тополанека. События 2009 года оцениваются неоднозначно, т.к. правое правительство продолжало придерживаться антироссийской риторики, а переходный кабинет Я.Фишера постарался переломить тенденции к застою. В отношении 2010 года упор делается на развитии отношений в благоприятном ключе, что, в частности, выразилось в участии президента Клауса в праздновании 65-летия Победы и его частном (!) визите в Москву.

Словацкая Республика. В обзорах за 2008 и 2009 гг. говорится о позитивной динамике. По 2010 году отмечается продолжение этих тенденций, но констатируется снижение активности политических контактов после прихода к власти нового правительства в Братиславе.

Наконец, Венгерская Республика. Об отношениях с ней говорится практически лишь в позитивных тонах. По 2008 году упор делается на устойчивом развитии и активных политических контактах на высшем уровне (президентов и премьер-министров). По 2009 году выделяется значение второго раунда межправительственных консультаций – форума, схожего с совместным заседанием правительств. Такой механизм Россия до тех пор поддерживала лишь с Германией, Францией и Италией. В обзоре за 2010 год отмечается поступательное развитие отношений, восстановление динамики товарооборота благодаря активным антикризисным мерам правительств двух стран, согласованных на заседании межправкомиссии в январе. О нынешнем их состоянии говорится лишь, что «проблемы и перспективы расширения сотрудничества были предметно проанализированы главами правительств в ходе рабочего визита В.Орбана в ноябре». То есть занята выжидательная позиция.

Здесь можно добавить, что в феврале этого года министр С. В. Лавров, принимая Я. Мартони в Москве, подтвердил, что двусторонние отношения имеют прочный фундамент и у обеих стран есть возможность и желание двигаться вперед.

Перейдем к экономической дипломатии. Для России сейчас, когда основные последствия кризиса более-менее позади, главным является модернизация. На прошлогоднем совещании послов президент Медведев говорил о потребности строить модернизационные альянсы, назвав ряд стран: Германию, США, Японию. По инициативе Баррозу в 2010 г. Была утверждена программа России с ЕС, нацеленная на содействие модернизации. Страны региона в этом отношении не в первом ряду, но и тут есть поле для работы.

Что касается взаимной дополняемости экономик России и стран региона, то она еще ярче выражена, чем по ЕС в целом. Мы на рынках друг друга практически не являемся конкурентами.

Наиболее перспективными и стратегически важными областями сотрудничества являются энергетика, транспорт и высокие технологии. Важной формой углубления взаимодействия должны стать взаимные прямые инвестиции.

Энергетика. Если смотреть чисто рационально, то эта область призвана быть полем сотрудничества, связующим звеном между Россией и регионом, куда идет до трети энергоресурсов, поставляемых из России к западу от бывшего СССР.

Когда речь заходит об энергетическом сотрудничестве, всем сразу на ум приходит газ. Поговорим о нем, хотя при этом не следует забывать, что Россия играет важнейшую роль в обеспечении потребностей региона в нефти (по Венгрии –

практически 100%) и угле. Но это биржевые товары, и политика не очень способна влиять на нее. Тема газа стала заложником политики и политической пропаганды. Все дело в том, что российский газ поставляется по трубопроводам, что дешевле, чем иными способами (на время т.н. спотовый газ стал дешевле, но сейчас он снова подорожал). При такой системе бывают противоречия между поставщиком, транзитером и потребителем. Споры достаточно острые идут и сейчас, например, по поводу Энергетической хартии или третьего энергопакета ЕС. В этих спорах позиции сторон понятны, и задача состоит в их согласовании.

Шумной же эта тема стала после того, как прежняя американская администрация решила нарушить энергетическое взаимодействие ЕС с Европой. Пошли разговоры о том, что страны региона подвержены диктату России как единственного поставщика, поощрялся шантаж со стороны Украины как транзитера. Возникла идея газопровода «Набукко» и зазвучали требования, чтобы Венгрия предпочла это проект проекту «Южный поток». Велась пропагандистская атака, в отражении которой и мне пришлось поучаствовать, в том числе отвечая на откровенную ложь о перекрытии кранов или монопольном повышении «Газпромом» цен на газ (что невозможно, т.к. они привязаны к биржевым ценам на нефть). Сейчас пропагандистская война сошла на нет, и новое венгерское правительство подтвердило обязательство выполнять график осуществления проекта «Южный поток». С нашей же стороны нет аллергии на попытки диверсифицировать источники поставок газа («Набукко» или поставки сжиженного газа через Грузию и Румынию, хотя в личном качестве мог бы шепнуть, что партнеры не самые надежные).

В реальности дела обстоят следующим образом. Россия остается надежным поставщиком газа, обладая 20% его запасов и 17% добычи. Без особых проблем она способна нарастить добычу, чтобы удовлетворить возрастающие потребности стран ЕС. Для гарантирования бесперебойности транзита осуществляются проекты «Северный поток», который начнет функционировать в этом году, и «Южный поток», который будет введен к 2015 г. Оба проекта имеют общеевропейское значение, в них участвуют компании России, Германии, Италии и Франции. Их целесообразность не вызывает сомнений: есть потребитель и есть газ, который можно закачать в трубу, есть также и финансовая возможность такую трубу построить. Кстати, для Венгрии тут есть дополнительное преимущество – сооружение на ее территории крупного газохранилища.

Областью энергетического сотрудничества, в которой существенную роль играют высокие технологии является строительство и функционирование атомных электростанций: две в Чехии, одна в Словакии и Пакш. С правительствами этих трех стран мы едины в том, что атомная энергетика остается необходимой. Поскольку это взаимодействие является наследием СЭВ, были потуги заменить российского партнера на западного. И в Чехии, и в Венгрии это закончилось неприятными происшествиями (на Пакше – почти трагедией). Сейчас Россия обеспечивает эти АЭС ядерным топливом, причем на Темелине она снова заменила американцев. Принято решение об участии российских фирм в расширении словацкой АЭС. А сейчас вырисовывается перспектива их участия и в расширении АЭС в Пакше. Прежний опыт говорит, что они предлагают наиболее приемлемые условия.

О перспективах транспортного сотрудничества сейчас, когда ощущаются последствия глобального кризиса, говорить трудно. На столе остаются проекты сооружения совместны ми усилиями крупного логистического центра в Захони и продлении широкой железнодорожной колеи по Словакии с расчетом на перевалку грузов в торговле между Европой и Дальним Востоком. Есть еще идея продлить широкую колею по Дунауйвароша, но, насколько я знаю, тут дальше выдвижения идеи дело не пошло.

Что касается высоких технологий, то есть возможность использовать наработанные связи в науке и технике для развития инновационной экономики. Здесь у нас есть хорошие перспективы с Венгрией в сфере нанотехнологии и телемедицины, а также информационных технологий. В марте этого года на заседании МПК в Москве было подписано заявление о сотрудничестве в интересах модернизации. Очень успешно развивается взаимодействие со Словакией (лазерный центр и циклотрон в Братиславе).

Непростой вопрос – взаимный переток капитала. На словах все правительства поддерживают прямые иностранные инвестиции, на деле же возникают немалые трудности, прим, на мой взгляд, в России они носят в основном характер бюрократических препон, что зачастую связано с коррупцией. Для российского же капитала в странах региона препятствия носят скорее адресный характер.

Самым громким делом последнего времени является приобретение «Сургутнефтегазом» 21%-ного пакета МОЛ, после чего он не может официально войти в состав акционеров. Условия, выдвинутые венгерской стороной, рассматриваются у нас как искусственные, о чем говорил, обращаясь к Еврокомиссии, и премьер-министр

Путин. Насколько я знаю, в последнее время наконец установлен прямой контакт между компаниями, что вселяет некоторые надежды на обоюдодоприемлемый исход. Вместе с тем пошли слухи, что венгерское правительство намерено национализировать МОЛ и начать процесс хотело бы с получения акций, принадлежащих российской компании. Пока вопрос не решен и остается раздражителем в двусторонних отношениях. Предстоит еще завершить урегулирование долгов после неудачной попытки российской компании «Красэйр» поучаствовать в приватизации МАЛЕВ.

Несмотря на это, позитивные примеры взаимных капвложений имеются (исключение – Польша). В Венгрии российским собственникам принадлежит металлургический комбинат «Дунаферр», компания по поставкам газа, часть автозаправочных станций. В России венгерский капитал заметен в нефтедобыче, в банковском деле, в фармацевтической промышленности, в строительстве. В целом речь идет о миллиардах евро. Подобные примеры есть и по Чехии, особенно в сфере ядерного машиностроения, и Словакии.

Нельзя забывать и о традиционной торговле, которая играет немалую роль в экономической жизни наших стран. Для России страны региона – в первой двадцатке партнеров. Для стран региона Россия второй-четвертый торговый партнер. Для России поставки прежде всего сырья сюда означают серьезные бюджетные доходы, а для стран региона – важный фактор сохранения промышленности и рабочих мест.

После смены строя наблюдался резкий спад в экономических связях, который повторился после российского кризиса 1998 г. В первой половине «нулевых» начался быстрый рост, причем именно венгерское правительство было первым, кто понял, что с приходом В.В.Путина Россия становится надежным и перспективным партнером. В результате товарооборот между двумя странами с 2002 по 2008 гг. вырос в пять раз, до 14 млрд. долларов, а поставки венгерских товаров в Россию – в 8 раз. После начала кризиса спад тоже был впечатляющим – вдвое, но после этого начался неуклонный рост где-то по 30% в год. В прошлом году товарооборот достиг 8,4 млрд. долларов, и если удастся реализовать имеющиеся сейчас планы развития сотрудничества, этот рост продолжится.

С Польшей товарооборот достиг более 25 млрд. долларов в 2008 г. Затем упал на 40%, а в 2010 г. вырос на четверть. Здесь проблема в том, что за годы нарушенных политических отношений не было создано задела, нет перспективных инновационных проектов, инвестиционных проектов, планов развития в сфере инфраструктуры и транспорта.

С Чехией товарооборот составил в 2008 г. 13 млрд. долларов, а в 2010 г. –10,3 млрд.

Со Словакией товарооборот развивается наиболее устойчиво: в 2008 г. - 7 млрд. долларов, а в 2010 – после спада – те же 7 млрд.

Труднее всего в такой лекции говорить о самой приятной части международных связей – о культурной дипломатии, взаимодействии в области науки, культуры, образовании, о духовных связях между нашими народами. Тут цифры и изложение событий не дают полной картины, тут есть мозаика, каждая из частей которой требует особого исследования.

В любом случае взаимное присутствие в духовной жизни друг друга является фактом, хотя его интенсивность и значительно снизилась за последние двадцать лет.

Государства в той или иной степени пытаются содействовать таким связям, созданы форумы общения интеллигенции. Он активно действует в российско-польских отношениях, ожидается начало его функционирования в наших связях с Венгрией. В то же время попытки подтолкнуть молодежные обмены в отношениях, например, с Польшей пока не удались.

Регулярно организуются сезоны культуры, наступает время снова провести их и в наших отношениях со странами региона, в том числе с Венгрией. Возобновились в последнее время обмены выставками. Литературные, кинематографические, театральные связи сохранялись все эти годы и полны интересными событиями.

Связующее звено – это деятельность русистов. У нас высоко ценят деятельность центра русистики при Университете им. Лоранда Этвеша. В целом изучение русского языка пока более-менее соответствует потребностям только в Словакии (около 20 тыс. школьников). Я тоже издаю слежу за ними и желаю больших успехов. Готовность оказать ему содействие из Москвы было доказано практическими делами.

Название курса требует как бы говорить и о будущем. В политике оно трудно предсказуемо, возможны различные сценарии, причем определяющим будет, конечно, то, каким путем пойдет Америка, а затем и Китай. Думаю, все же, что если тенденции последних двух лет продолжатся, у отношений России со странами региона, как раньше говорили, светлое будущее.